

ИВ. РОЗАНОВЪ.

Кн. Вяземскій и Пушкинъ.

 ПЕЧАТНІЯ А.И. СЕГИРОВОЙ МОСКВА.

1915.

Кн. Вяземскій и Пушкинъ.

(Къ вопросу о литературныхъ вліяніяхъ).

Что кн. Вяземскій, какъ поэтъ, имѣеть значеніе въ творчествѣ Пушкина,—это само собой очевидно: Пушкинъ охотно беретъ эпиграфы изъ Вяземскаго, часто въ примѣчаніяхъ къ своимъ произведеніямъ ссылается на его стихи; нѣкоторые случаи заимствованія отдѣльныхъ мыслей и темъ засвидѣтельствованы признаніями самихъ поэтовъ; другіе вскрываются тщательнымъ анализомъ текста.

Рѣчь можетъ итти слѣдовательно только о размѣрахъ и о характерѣ этого вліянія. Вопросъ о размѣрахъ самъ требуетъ изслѣдованія болѣе или менѣе обширныхъ размѣровъ. Насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ не количественный, а только качественный анализъ, и при этомъ формы вліянія насъ интересуютъ болѣе, чѣмъ его содержаніе.

Употребляя терминъ „вліяніе“ въ самомъ широкомъ смыслѣ, мы можемъ установить четыре формы, или типа вліянія Вяземскаго на Пушкина:

1) Переработка Пушкинымъ заимствованнаго у Вяземскаго.

2) Соревнованіе. Пушкинъ беретъ не только точку отправления, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и разработку темы, съ явнымъ намѣреніемъ превзойти, чего, конечно, и достигаетъ.

3) Самостоятельная разработка. Вяземскому принадлежитъ только точка отправления.

4) Оспариваніе. Не соглашаясь съ мыслью Вяземскаго, Пушкинъ развиваетъ противоположную точку зрѣнія. Ассоціація по контрасту. Примѣръ отрицательнаго вліянія.

Случаи переработки Пушкинымъ заимствованнаго у Вяземскаго крайне любопытны, потому что вводятъ насъ въ лабораторію пушкинскаго творчества.

Пушкину очень нравились 2 стиха Вяземскаго изъ его характеристики извѣстнаго Толстого-Американца: стихи эти Пушкинъ взялъ эпиграфомъ къ своему „Кавказскому Плѣннику“ и выпустилъ потомъ этотъ эпиграфъ, какъ полагають, „въ виду своей ссоры съ Толстымъ. (Акад. изд. Пушкина. т. II. Прим. 450). Вяземскому же Пушкинъ писалъ: „знаешь ли эпиграфъ К. Пл.?”

Подъ бурей рока твердый камень,
Въ волненьяхъ страсти—легкій листъ.

Понимаешь, почему не оставилъ его? Но за твои 4 стиха я бы отдалъ три четверти своей поэмы“.

Но Пушкинъ не только хотѣлъ взять эти стихи эпиграфомъ, но пытался подражать имъ и въ самой поэмѣ, пытался ими характеризовать своего героя. Въ черновыхъ наброскахъ, въ характеристикѣ плѣнника, находимъ строки, близкія къ стихамъ Вяземскаго.

Вяземскій.

Котораго душа есть пламень,
А умъ холодный эгоистъ,
Подъ бурей рока—*твердый камень*,
Въ волненьи страсти легкій листъ.

Пушкинъ.

Родился онъ среди снѣговъ,
Но въ немъ страстей таился пла-
мень,
Въ минуту счастья сынъ пировъ.
Во дни гоненья *твердый камень*.

Кромѣ того же противоположенія, находимъ сохраненнымъ и эпитетъ Вяземскаго къ камню—„твердый“. О риѣмахъ „камень“—„пламень“ говорить не приходится, т. к. самъ Пушкинъ сѣтовалъ, что „камень“ неизбѣжно влечетъ за собою и „пламень“. Эпитетъ „твердый“ замѣненъ былъ потомъ „хладнымъ“. Пушкинъ какъ бы борется съ вліяніемъ Вяземскаго, постепенно удаляется отъ образца, наконецъ совсѣмъ это мѣсто выбрасываетъ изъ своей поэмы ¹⁾. Сравненіе плѣнника съ камнемъ исчезаетъ. Въ окончательной редакціи, можетъ быть, слѣдуетъ видѣть отдаленный слѣдъ его въ признаніи плѣнника, что онъ „для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ“, т. е. существительное замѣнилось глаголомъ, предметъ—дѣй-

¹⁾ Указаніе на то, что эти четыре строчки являются близкимъ подраженіемъ Вяземскому, было уже сдѣлано специалистами по Пушкину (см. Акад. изд. т. II. Прим. стр. 450). Всѣ остальные сближенія и указанія вліяній въ нашей статьѣ являются результатомъ собственныхъ наблюденій.

ствіемъ. Въ первоначальныхъ наброскахъ нигдѣ этого глагола не находимъ.

Нѣчто подобное испыталъ и „легкій листъ“. Извѣстно, что элегія Пушкина „Я пережилъ свои желанія“ должна была первоначально входить въ ту же поэму, являясь частью исповѣди плѣнника. Любопытенъ послѣдній стихъ элегіи: здѣсь можно видѣть вліяніе сравненія—съ „легкимъ листомъ“. Прилагательное легкій (синонимъ его „трепещущій“) замѣнено соотвѣтствующимъ глаголомъ, качество—дѣйствиемъ.

Трепещетъ запоздалый листъ.

Сравненія героя съ камнемъ и листомъ, идущія у Вяземскаго подрядъ, въ двухъ строчкахъ, у Пушкина разъединены, но оба отнесены къ одному лицу, какъ и у Вяземскаго: тамъ къ Толстому, здѣсь къ плѣннику.

Эти два образа „листъ“ и „камень“ въ концѣ концовъ могли слиться въ сознаніи въ одинъ образъ: „листъ“ можетъ превратиться въ „камень“. Это мы и находимъ въ стихотвореніи Пушкина „Ты правъ мой другъ!“, относящемся къ тому же 1821 году, когда закончена была и указанная поэма. Мотивъ тотъ же, что и въ элегіи „Я пережилъ свои желанья“. Послѣднее четверостишіе читается такъ:

Свою печать утратилъ рѣзвый нравъ,
 Душа часть-отъ-часу нѣмѣетъ,
 Въ ней чувствъ ужъ нѣтъ. Такъ *легкій листъ* дубравъ,
 Въ ключахъ кавказскихъ *каменѣтъ*.

Замѣчательно, что здѣсь возстановленъ эпитетъ Вяземскаго къ слову „листъ“—„легкій“. Сравненіе опять служитъ для характеристики душевнаго состоянія.

Позднѣе въ „Альбомѣ Онѣгина“ встрѣчаемъ позднѣйшую передѣлку этихъ 4 стиховъ: эпитетъ „легкій“ исчезъ, „листъ дубравъ“ обратился въ „листокъ дубравъ“.

Цвѣтокъ полей, листокъ дубравъ
 Въ ручѣ кавказскомъ каменѣтъ:
 Въ волненьи жизни такъ мертвѣетъ
 И вѣтренный, и нѣжный нравъ.

Знаменательно, что въ черновикахъ „Кавказскаго Плѣнника“ находимъ въ двухъ мѣстахъ первоначальные наброски стихотворенія „Къ портрету Вяземскаго“. Какъ будто,

мысль о Вяземскомъ неволью являлась поэту въ связи съ его работою надъ поэмою.

Эпиграфъ „Кавказскаго Плѣнника“ взять былъ первоначально эпиграфомъ и къ „Цыганамъ“ и тоже потомъ почему то отброшенъ.

Итакъ, мы видимъ, что эти два образа „камень“ и „листъ“ примѣнены Пушкинымъ къ нѣсколькимъ героямъ, задуманнымъ въ байроновскомъ духѣ. Кавказскій плѣнникъ, Алеко и даже Евгенийъ Онѣгинъ неволью роднятся, сближаются между собой при помощи этихъ сравненій. Нащупывается какая-то связь между Вяземскимъ и байроническими замыслами Пушкина, но дальнѣйшее разсмотрѣнiе этого вопроса, который требуетъ особаго изслѣдованiя, не входитъ сейчасъ въ нашу задачу.

Нигдѣ Пушкинъ не удѣлилъ столько вниманiя Вяземскому, какъ въ „Евгениі Онѣгинѣ“. Предваряетъ романъ эпиграфъ къ 1-ой главѣ: „И жить торопится и чувствовать спѣшить“. Это изъ „Перваго снѣга“ кн. Вяземскаго.

Въ авторскихъ примѣчанiяхъ къ роману встрѣчается дважды ссылка на Вяземскаго. На всѣхъ другихъ упоминаемыхъ авторовъ (напр. на Ломоносова, Грибоѣдова, Борогынскаго и т. д.) приходится по одной ссылкѣ. При описанiи зимы въ V главѣ романа Пушкинъ замѣчаетъ

Другой поэтъ роскошнымъ слогомъ
Живописаль намъ первый снѣгъ...

дѣлаетъ здѣсь сноску и въ примѣчанiи указывать: „см. „Первый снѣгъ“, стихотворенiе князя Вяземскаго“. Въ VII главѣ, описывая путешествiе Лариныхъ изъ деревни въ Москву, Пушкинъ говоритъ о плохомъ состоянiи нашихъ дорогъ и почтовыхъ станцій. Къ стиху „Теперь у насъ дороги плохи“, дѣлаетъ сноску, а въ примѣчанiи приводитъ отрывокъ (въ 20 стиховъ) изъ стихотворенiя кн. Вяземскаго „Станція“.

Наконецъ, Вяземскому оказана Пушкинымъ исключительная честь, которой никто другой изъ поэтовъ — прiятелей Пушкина не удостоился: быть выведеннымъ и играть нѣкоторую роль и въ самомъ ходѣ романа. Когда Татьяну стали вывозить въ свѣтъ, ее поразила пошлость и безсодержательность свѣтскихъ разговоровъ. На этомъ фонѣ неин-

тересныхъ и пустыхъ людей блестящимъ исключеніемъ явился князь Вяземскій.

У скучной тетки Таню встрѣтя,
Къ ней какъ-то Вяземскій подсѣлъ
И душу ей занять успѣлъ...

Пушкинъ собирался вмѣстѣ съ Онѣгинымъ отправиться въ чужіе края, Каверинъ ждалъ Онѣгина въ ресторанѣ, но ни Пушкинъ ни Каверинъ не оказали вліянія на судьбу Евгенія. Не то—Вяземскій. Когда онъ подсѣлъ къ Танѣ,

близъ него ее замѣтя,
Объ ней, поправя свой парикъ.
Освѣдомляется старикъ.

У Пушкина не ясно, одно ли лицо этотъ прихорашивающійся при Татьянѣ и освѣдомляющійся о ней старикъ и тотъ генераль, который послѣ этого на балу „глазь съ нея не сводилъ“, т. е. ея будущій супругъ. Повидимому, да. Но если даже мы усомнимся въ этомъ тожествѣ, слѣдуетъ отмѣтить, что именно благодаря Вяземскому на Татьяну было обращено вниманіе въ свѣтѣ завидными женихами. Вяземскій явился невольнымъ сватомъ, т. е. косвенно повліялъ на дальнѣйшую судьбу Татьяны.

Вернемся къ описанію зимы въ V главѣ „Евгенія Онѣгина“. Пушкинъ въ этомъ описаніи противопоставляетъ себя Вяземскому. Тотъ въ своемъ „Первомъ снѣгѣ“ говоритъ о зимнихъ удовольствіяхъ: о катаніи на конькахъ, объ охотѣ на зайцевъ. Но высшее наслажденіе, по мнѣнію Вяземскаго, „прогулки зимней сладость“.

Счастливъ, кто испыталъ прогулки зимней сладость,
Кто въ тѣснотѣ саней съ красавицей молодой,
Ревнивыхъ не боясь, сидѣлъ рука съ рукой,
Жаль руку, нѣжную въ самомъ сопротивленьѣ,
И въ сердцѣ дѣвственномъ впервой любви смятенъе,
И думу первую, и первый вздохъ зажегъ!..
... Кто можетъ выразить счастливецевъ упоенье?
Какъ вьюга легкая ихъ окриленный бѣгъ
Броздами ровными прорѣзываетъ снѣгъ
И, яркимъ облакомъ съ земли его взвѣвая,
Сребристой пылью вдругъ окидываетъ ихъ.
Стѣснилось время имъ въ одинъ крылатый мигъ.
По жизни такъ скользятъ горячность молодая
И жить торопится и чувствовать спѣшить.

Въ свое произведеніе „Первый снѣгъ“ (1819) Вяземскій, по его собственнымъ словамъ, „былъ влюбленъ“. Посылая своему другу Александру Тургеневу это стихотвореніе, Вяземскій въ письмѣ 22 ноября 1819 г. слѣдующимъ образомъ разъяснялъ себя:

„Тутъ есть русская краска, чего почти ни въ какихъ почти стихахъ нашихъ нѣтъ. Русскаго поэта по фізіономіи не узнаешь. Вы всѣ не довольно въ этомъ убѣждены, и я помню, разъ и смѣялись надо мною, когда называлъ себя отличительно русскимъ поэтомъ... Тутъ дѣло идетъ не о достоинствѣ, а о отпечаткѣ, не о сладкорѣчивости, а о выговорѣ; не о стройности движеній, а о народности нѣкоторыхъ замашекъ коренныхъ“.

Тургеневъ въ отвѣтномъ письмѣ (10 декабря) пишетъ:

„Давно уже ты такихъ свѣжихъ и полныхъ стиховъ не писалъ, какъ „Первый снѣгъ“. Есть стихи, которые врѣзываются и въ память и въ сердце съ перваго раза. Но почему же ты по этимъ стихамъ называешь себя преимущественно русскимъ поэтомъ и находишь въ немъ русскія краски?

Эти стихи болѣе другихъ принадлежатъ блестящей партіи французской: ты въ нихъ Делиль.

Описаніе, манеръ—его, а не совершенно оригинальный. Но знаешь ли въ чемъ твоя оригинальность? И это принадлежитъ между русскими поэтами одному тебѣ: назови ее, если хочешь, и народностью: въ выборѣ выраженій и въ дачѣ имъ такого мѣста почетнаго и вмѣстѣ приличнаго въ стихахъ, что, несмотря на то, что ихъ тутъ видимъ въ первый разъ, никому не придетъ въ голову сбивать ихъ“.

Отвѣчая Тургеневу (19 дек.), Вяземскій опредѣленно выясняетъ свою народность:

„Отчего ты думаешь, что я по первому снѣгу ѣхалъ за Делилемъ? Гдѣ у него подобная картина? Я себя называю природнымъ русскимъ поэтомъ потому, что копаюсь все на своей землѣ. Болѣе или менѣе ругаю, хвалю, описываю русское: русскую зиму, чухонскій Петербургъ, петербургское Рождество и пр. и пр., вотъ что я пою... Отчего Вольтеръ французѣ Расина? Тотъ боялся отечественнаго, какъ Уваровъ боится говорить по-русски; другой—напротивъ, хватался за все свое, пѣлъ Генриха, французскихъ рыцарей...“

Вотъ, моя милуша, отчего я пойду въ потомство съ россійскимъ гербомъ на лбу, какъ вы, мои современники, ни французьте меня“.

Въ другомъ письмѣ Вяземскій говоритъ по поводу своего „Перваго снѣга“: „я смотрѣлъ на зиму съ самой поэтической точки“. Пушкинъ, назвавъ это стихотвореніе „преlestью“ (въ письмѣ къ Вяземскому), въ началѣ VII гл. „Онѣгина“ нашель, что Вяземскій описаль намъ „всѣ отѣнки зимнимъ нѣгъ“, но, взявшись за ту же тему: первый снѣгъ, Пушкинъ разработаль ее проще и реальнѣе.

Вяземскій свою картину зимы началъ еще въ Москвѣ въ 1816 г., потомъ забросиль и закончилъ въ Варшавѣ въ 1819 г. Извѣщая своего пріятеля Тургенева объ этомъ произведеніи, Вяземскій говоритъ: „свой „Первый снѣгъ“ писалъ я частью съ воображенья, но и съ природы. У насъ (т. е. въ Варшавѣ) съ недѣлю стоитъ зима и санная дорога; уши оглушены звономъ колоколовъ, привязанныхъ къ санямъ“. Однако, какъ разъ звона-то колокольчиковъ въ его описаніи и нѣтъ. Вѣроятно, гораздо больше писалъ тутъ Вяземскій „съ воображенія“, чѣмъ „съ природы“. Картина зимы дана у него очень нарядная:

Здѣсь снѣгъ, какъ легкій пухъ повисъ на ели гибкой;
Тамъ, темный изумрудъ посыпавъ серебромъ,
На мрачной онъ соснѣ разрисоваль узоры.
Разсѣялись пары и засверкали горы,
И солнца шаръ вспылаль на сводѣ голубомъ.
Волшебницей зимой весь міръ преобразованъ.

У Пушкина описаніе проще, но передано не только любованіе зимнимъ пейзажемъ, но и пріятное ощущение новизны отъ перваго выпавшаго снѣга. Не безлично, но глазами Татьяны воспринимаетъ поэтъ зимнія впечатлѣнія, а Татьяна „русская душою—любила русскую зиму“. Въ отличіе отъ Вяземскаго, Пушкинъ, описывая зимній пейзажъ, точно указываетъ и точку зрѣнія и время воспріятія: „Побѣлѣвшій дворъ“ и т. д. Татьяна увидала „въ окно“, „проснувшись рано“. Увидѣла она еще

На стеклахъ легкіе узоры,
Деревья въ зимнемъ серебрѣ,
Сорокъ веселыхъ на дворѣ
И мягко устланныя горы

Зимы блистательнымъ ковромъ.

Все ярко, все бѣло кругомъ!

„Узоры“, „серебро“ и „горы“ есть и у Вяземскаго, но у Пушкина есть и „сороки“, живая, реальная черта, недоступная Вяземскому, искавшему только нарочито поэтического. Въмѣсто сладости зимней прогулки вдвоемъ, въ тѣснотѣ саней, Пушкинъ изобразилъ крестьянина, обновляющаго на дровняхъ путь, ямщика, двороваго мальчика, отморозившаго пальчикъ, и Жучку. Затѣмъ идетъ сопоставленіе между нимъ, Пушкинымъ, и Вяземскимъ.

Но, можетъ быть, такого рода
Картины васъ не привлекутъ:
Все это низкая природа;
Изящнаго немного тутъ.
Согрѣтый вдохновенья богомъ,
Другой поэтъ роскошнымъ слогомъ
Живописалъ намъ первый снѣгъ
И всѣ оттѣнки зимнихъ нѣгъ:
Онъ васъ плѣнитъ, я въ томъ увѣренъ,
Рисуя въ пламенныхъ стихахъ
Прогулки тайныя въ саняхъ;
Но я борюсь не намѣренъ
Ни съ нимъ покамѣсть, ни съ тобой,
Пѣвецъ Финляндки молодой.

„Пѣвецъ Финляндки“ т. е. Боратынскій, описавшій финляндскую зиму въ „Эддѣ“.

Обратите вниманіе на это слово „покамѣсть“. Значить, въ будущемъ поэтъ не прочь когда-нибудь вступить въ состязаніе съ Вяземскимъ, взявшись за описаніе „всѣхъ оттѣнковъ зимнихъ нѣгъ“.

Привелъ ли когда великій поэтъ въ исполненіе свое намѣреніе, высказанное въ 1826 году?

Въ VII главѣ „Онѣгина“ (1828 г.) Пушкину опять пришлось описывать наступленіе зимы. Опять невольно припомнилось описаніе Вяземскаго. Какъ у Вяземскаго, такъ и у Пушкина сначала олицетвореніе осени.

Вяземскій.

Природа блѣдная съ уныlostью
въ чертахъ,
Поражена была томленіемъ кон-
чины.

Пушкинъ.

Природа трепетна, блѣдна,
Какъ жертва пышно убрана.

Въ стихѣ Пушкина „Какъ жертва пышно убрана“ дается уже намекъ на послѣдующее знаменитое описаніе осени 1830 г., гдѣ говорится про „пышное природы увяданье“ и осень сравнивается съ чахоточной дѣввой, безропотно ждущей кончины. Здѣсь же, въ VII гл. Пушкинъ повторяетъ опредѣленіе Вяземскаго къ зимѣ—„волшебница“.

Вяземскій.

Волшебницей-зимой весь міръ
преобразованъ

Пушкинъ.

Идетъ волшебница-зима.

У Вяземскаго прудъ „зеркаломъ *сравнился* въ берегахъ“, у Пушкина зима „брега съ недвижною рѣкою *сравнила* пухлой пеленою“. „Зимнихъ нѣгъ“ у Пушкина тутъ еще нѣтъ.

Въ обѣщанное состязаніе съ Вяземскимъ Пушкинъ вступилъ въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ 1829—1830 гг. Начнемъ съ того, что сочетаніе „мгла волнистая“, встрѣчающаяся у Пушкина дважды, несомнѣнно восходитъ къ „Первому снѣгу“, что доказывается стихотвореніемъ „Обвалъ“ (1829 г.).

Въ „Первомъ снѣгѣ“:

.....влажные пары
Стояли надъ челомъ угрюмыя
горы

Иль *мглою волнистою* клубилися
надъ *боромъ*

Въ „Обвалѣ“.

.... И рошцетъ *боръ*,
И блещутъ средь *волнистои мглы*
Вершины *горъ*.

„Волнистая мгла“ тутъ и тамъ является въ рамкѣ тѣхъ же риѣмъ: „горъ“, „боръ“ и т. д. А уже въ слѣдующемъ 1830-омъ году въ „Осени“, является у Пушкина и стихъ

„И *мглою волнистою* покрыты небеса“.

Въ „Зимнемъ утрѣ“ и „Зимѣ“, стихотвореніяхъ 1829 г., Пушкинъ говоритъ о зимнихъ удовольствіяхъ. Въ первомъ изъ этихъ стихотвореній описывается рѣзкій контрастъ въ состояніи погоды. Сравнимъ съ подобнымъ же описаніемъ у Вяземскаго,

„Первый снѣгъ“.

Вчера еще стоналъ надъ онѣ-
мѣвшимъ садомъ

„Зимнее утро“.

Вечеръ, ты помнишь, вьюга зли-
лась,

Вѣтръ скучной осени, и влажные
пары
Стояли надъ челомъ угрюмыя
горы...
Иль мглой волнистою клубилися
надъ боромъ.

На мутномъ небѣ мгла носилась
. . . . .
И ты печальная сидѣла ..

Но сегодня все перемѣнилось:

Сегодня новый видъ окрестность
приняла,
Какъ быстрымъ маніемъ чудес-
наго жезла;
Лазурью свѣтлою горятъ небесъ
вершины,
Блестящей скатертью подерну-
лись долины,
И яркимъ бисеромъ усѣяны поля.

А нынче.. погляди въ окно:
Подъ голубыми небесами
Великолѣпными коврами,
Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ.

Какъ и въ V гл. „Онѣгина“ Пушкинъ, въ противоположность Вяземскому, описываетъ природу не безлично. Здѣсь есть и воспринимающій субъектъ—подруга поэта, замѣняющая въ данномъ случаѣ Татьяну. Указывается и пунктъ наблюденія, тотъ же самый, какъ и у Татьяны,—окно. То же взято и время: утро. Наконецъ, по всему видно, что подруга поэта не менѣе Татьяны „русская душой“ и любить русскую зиму.

Усидѣть дома въ такую погоду трудно. Но у Вяземскаго домъ кажется темницей, а Пушкинъ находитъ, что и дома хорошо, но проѣхать въ санкахъ еще лучше:

Вся комната янтарнымъ блескомъ
Озарена. Веселымъ трескомъ
Трещить затопленная печь.
Пріятно думать у лежанки.

Трескъ дровъ, затопленная печь, лежанка—все эта слиш-
комъ просто для Вяземскаго, старавшагося смотрѣть на зиму
„съ самой поэтической стороны“. Далѣе разница еще за-
мѣтнѣе:

Вяземскій.

Покинемъ, милый другъ, тем-
ницы мрачный кровъ!
Красивый выходецъ кипящихъ
табуновъ,

Пушкинъ.

Но знаешь, не велѣтъ ли въ
санки
Кобылку бурюю запречь?
Скользя по утреннему снѣгу,

Ревнуня на бѣгу съ крылатоногой
ланью,
Топоча хрупкій снѣгъ, насъ по
полю помчить.

Другъ милый, предадимся бѣгу
Нетерпѣливаго коня.

Пушкинъ, вслѣдъ за Вяземскимъ, тоже предлагаетъ подругѣ прогулку зимнюю. Подругу называетъ онъ тѣми же ласкательными словами, какъ и Вяземскій,—„другъ милый“, но какая разница въ нѣкоторыхъ деталяхъ. У Вяземскаго „выходецъ кипящихъ табуновъ“, подобный „крылатоногой лани“, у Пушкина—„кобылка бурая“. „Зимнее утро“ отъ „Перваго снѣга“ отдѣляетъ ровно 10 лѣтъ. Наглядный примѣръ успѣховъ поэзіи въ ея движеніи къ простотѣ, искренности и реализму!

Въ „Зимѣ“ (1829) Пушкинъ даетъ описаніе другого зимняго удовольствія: охоты на зайцевъ. У Вяземскаго здѣсь торжество хищныхъ инстинктовъ, у Пушкина мирное занятіе; у Вяземскаго трагедія, у Пушкина идиллія.

Вяземскій.

Тамъ ловчихъ полкъ готовъ; ихъ взоръ нетерпѣливый
Допрашиваетъ слѣдъ добычи торопливой:
На бѣгство робкаго нескромный снѣгъ донесъ;
Съ неволи спущенный за жертвой хищный песь
Ввѣряется стремглавъ предательскому слѣду
И довершаетъ ножъ кровавую побѣду.

Пушкинъ.

Пороша... Мы встаемъ и тотчасъ на коня,
И рысю по полю при первомъ свѣтѣ дня,
Арапники въ рукахъ, собаки вслѣдъ за нами,
Глядимъ на блѣдный снѣгъ прилежными глазами,
Кружимся, рыскаемъ и поздней ужъ порой,
Двухъ зайцевъ протравивъ, являемся домой.

Вяземскій говоритъ, обращаясь къ красавицѣ молодой, съ которой собирается испытать „прогулки зимней сладость“.. „въ тѣснотѣ саней“:

Презрѣвъ мороза гнѣвъ и тщетныя угрозы,
Румяныхъ щекъ твоихъ свѣжѣй алѣютъ розы.

Пушкинъ въ своей „Зимѣ“ это презрѣніе дѣвы къ гнѣву мороза развиваетъ въ цѣлую картину:

И дѣва въ сумерки выходитъ на крыльцо.
Открыты шея, грудь, и вьюга ей въ лицо,
Но бури сѣвера не страшны русской розѣ.
Какъ жарко поцѣлуй пылаетъ на морозѣ;
Какъ дѣва русская свѣжа въ пыли снѣговъ!

У Вяземскаго только сладость пожатія руки, „нѣжной въ самомъ сопротивленьѣ“, у Пушкина „жаркій поцѣлуй на морозѣ“.

Но генеральное сраженіе Пушкинъ далъ Вяземскому въ своей знаменитой „Осени“ (1830). Вяземскій и начинаетъ и кончаетъ свое стихотвореніе такою мыслью: какъ ни хороша весна, но мнѣ, сыну сѣвера, зима ближе и дороже.

Пусть нѣжный баловень полуденной природы,
Гдѣ тѣнь душистѣе, краснорѣчивѣй воды,
Улыбку первую привѣтствуетъ весны!
Сынъ пасмурныхъ небесъ полуночной страны,
Обыкшій къ свисту вьюгъ и реву непогоды,
Привѣтствую душой и пѣснью первый снѣгъ.

А въ концѣ стихотворенія:

Пусть на омытые луга росой денницы
Красивая весна бросаетъ изъ кошницы
Душистую лазурь и свѣжій блескъ цвѣтовъ;
Пусть растворяя лѣсъ очарованьямъ нѣжнымъ,
Влечетъ любовниковъ подъ кровомъ безмятежнымъ
Предаться тихому волшебству сладкихъ сновъ!
Не измѣню тебѣ воспоминаемъ тайнымъ,
Весны роскошныя смиренная сестра,
О сердца моего любимая пора!

Вяземскій такъ расхваливаетъ весну, что является не-
вполнѣ мотивированнымъ его предпочтеніе зимѣ. Неужели
только по привычкѣ или по упрямству? Пушкинъ изобра-
жаетъ весну иначе, и при его изображеніи предпочтеніе,
оказываемое зимѣ, становится вполнѣ понятнымъ.

Я не люблю весны,
Скучна мнѣ оттепель: вонь, грязь, весной я боленъ:
Кровь бродитъ, чувства, умъ тоскою стѣснены:
Суровою зимой я болѣе доволенъ.

Вяземскій отдаетъ предпочтеніе зимѣ не только какъ
патріотъ своего родного сѣвера, онъ предпочитаетъ зиму и

за ея смиреніе. Онъ называетъ ее „весны роскошныя *смирная* сестра“; но ужъ если рѣчь зашла о смиреніи, то осень еще смиреннѣе, чѣмъ зима. Она настолько смиренна, что Вяземскому, посвятившему ея описанію 14 строчекъ въ своемъ „Первомъ снѣгѣ“, даже и въ голову не пришло допустить ея къ конкурсу на мѣсто любимой поры года. Пушкинъ заступился за свою любимую пору и превознесъ ее между прочимъ именно за смиреніе. Вяземскій прилагаетъ къ „Осени“ эпитетъ „сучная“, Пушкинъ же говоритъ

Дни поздней осени бранять обыкновенно,
Но мнѣ она мила, читатель дорогой,
Красою тихою, блистающей *смирною*,
Какъ нелюбимое дитя въ семьѣ родной,
Къ себѣ меня влечетъ...

Въ слѣдующей затѣмъ октавѣ мы находимъ у Пушкина знаменитое сравненіе осени съ чахоточной дѣвой, безропотно ждущей кончины. Сравненіе это не можетъ считаться у Пушкина вполне оригинальнымъ: основную мысль онъ имѣлъ въ „Первомъ снѣга“, въ стихотвореніи, которое ему нравилось, и есть данныя утверждать, что онъ зналъ его наизусть. У Вяземскаго при описаніи осени говорится

Природа блѣдная, съ уныlostью въ чертахъ,
Поражена была томленіемъ кончины.

Въ своемъ стихотвореніи Пушкинъ какъ бы дѣлаетъ смотръ тѣмъ зимнимъ удовольствіямъ, о которыхъ говоритъ Вяземскій (только охоту относить онъ къ осени). На первомъ мѣстѣ среди „зимнихъ нѣгъ“ поставлена неизбѣжная прогулка въ саняхъ съ подругой. Форма при этомъ та же, что и у Вяземскаго: восклицаніе.

Какъ легкой бѣгъ саней съ подругой быстръ и воленъ,
Когда подъ сободемъ согрѣта и свѣжа,
Она вамъ руку жметъ, пылая и дрожа.

Вяземскій говоритъ о сладости „жать руку, нѣжную въ самомъ сопротивленіи“, у Пушкина женщина обычно активнѣе мужчины, (напр., черкешенка, Татьяна и т. д.), и его красавица сама „пылая и дрожа“, „руку жметъ“.

Стихъ „Когда подъ сободемъ согрѣта и свѣжа“, также восходитъ со своимъ „сободемъ“ и „свѣжестью“ къ „Первому снѣгу“, гдѣ читаемъ:

И *соболь* на тебѣ чернѣть и блестить...
... Румяныхъ щекъ твоихъ *свѣжѣй* алѣютъ розы.
И лилія *свѣжѣй* бѣлѣть на челѣ.

Катанію на конькахъ у Пушкина посвящено 2 стиха, у Вяземскаго 4. Сравненіе „льда“ съ „зеркаломъ“ Пушкинъ также повторилъ вслѣдъ за Вяземскимъ. Нѣкоторыя выраженія Пушкина являются перифразами выраженной Вяземскаго. У Вяземскаго „пора тоски сердечной“, у Пушкина „унылая пора“; у Вяземскаго—„праздникъ зимы“, у Пушкина „зимніе праздники“ и т. д.

Но перечисливъ удовольствія зимы, Пушкинъ заявляетъ:

Но надо знать и честь; полгода снѣгъ да снѣгъ.
Вѣдь это наконецъ и жителю берлоги,
Медвѣдю, надоѣсть—нельзя же цѣлый вѣкъ
Кататься намъ въ саняхъ съ Армидами молодыми.

Въ послѣдней фразѣ видимъ, что тутъ Пушкинъ наконецъ освобождаетъ себя отъ обаянія „зимнихъ нѣгъ“ Вяземскаго: превзошелъ и успокоился: послѣ 1830 г. слѣдовъ вліянія „Перваго снѣга“ намъ уже у Пушкина не встрѣтилось.

Итакъ, какъ изобразитель русской зимы Пушкинъ въ цѣломъ рядѣ своихъ описаній исходитъ отъ забытаго теперь стихотворенія, принадлежащаго Вяземскому. Вяземскій въ свою очередь, какъ онъ самъ признавался, въ своемъ „Первомъ снѣгѣ“ кое-что заимствовалъ у Хераскова. Получается цѣлая генеалогія, но дальнѣйшихъ развѣдокъ въ этомъ направленіи мы производить не будемъ.

Здѣсь мы имѣли яркій примѣръ соревнованія. Заимствованы многія детали, но все заимствованное исправлено и улучшено.

Даже одинъ эпиграфъ изъ Вяземскаго Пушкинъ приводитъ въ исправленномъ и улучшенномъ видѣ. Къ повѣсти „Станціонный смотритель“ онъ беретъ такой эпиграфъ изъ Вяземскаго:

Коллежскій регистраторъ,
Почтовой станціи диктаторъ.

Но эпиграфъ не точенъ. Въ стихотвореніи „Станція“, откуда онъ взятъ, нѣсколько иначе:

Губернскій регистраторъ,
Почтовой станціи диктаторъ.

„Коллежскій регистраторъ“—чинъ 14 класса, т. е. первый классный чинъ, „Губернскій регистраторъ“—чинъ 12 класса, т. е. выше. Смысль этихъ стиховъ въ рѣзкомъ контрастѣ; впечатлѣніе контраста усиливается, если диктатора противополжить самому ничтожному чину: „коллежскому регистратору“. Если это только обмолвка Пушкина, то обмолвка очень талантливая.

Иногда Пушкинъ заимствовалъ у Вяземскаго только основную мысль, разрабатывая ее совершенно самостоятельно. Это видимъ, напр., въ нѣкоторыхъ эпиграммахъ, основанныхъ на каламбурахъ: Вяземскій былъ неистощимый каламбуристъ.

По поводу заглавія комедіи Шаховскаго „Полубарскія затѣи“ Вяземскій сострилъ въ 1815 году:

„Коварный“, „Новый Стернь“, „Пигмеи“.
Они назрѣлый плодъ творца,
Но „Полубарскія затѣи“—
Затѣи полнаго глупца.

Ср. эпиграмму Пушкина на кн. Воронцова, оканчивающуюся словами:

Полу-подлецъ, но есть надежда,
Что будетъ полнымъ наконецъ.

Такова же эпиграмма, основанная на имени Вальтеръ-Скота.

Вяземскій. („Разговоръ“
1821 г.).

— И Шаховской въ своей послѣдней драмѣ
Былъ совершенный Вальтеръ-Скотъ!
— Потише! не совсѣмъ! Чтобъ
былъ вѣрнѣе счетъ,
Изъ похвалы твоей я лишнее
откину,
И помирюсь на половину.

Пушкинъ (на Булгарина).

Всѣ говорятъ: онъ Вальтеръ-Скотъ.
Но я, поэтъ, не лицемѣрю,
Согласенъ я онъ просто скотъ
Но что онъ Вальтеръ-Скотъ, не
вѣрю.

По свидѣтельству самого Вяземскаго, Пушкинъ особенно цѣнилъ въ немъ то, что онъ постоянно вызываетъ на споръ. О статьяхъ же его Пушкинъ писалъ: „часто не согла-

шаешься съ его мыслями, но онѣ заставляютъ мыслить“. Этотъ отзывъ приложимъ къ стихамъ Вяземскаго. Они были, какъ называлъ ихъ Пушкинъ, „оживительны“, они вызывали на споръ, даже на противорѣчіе, а слѣдовательно, возбуждали творчество.

Пушкинъ не разъ оспаривалъ Вяземскаго въ стихахъ. Вяземскій воспѣлъ „черныя очи“ извѣстной Смирновой— Россетъ и сравнилъ ея очи съ „южными звѣздами“ и „огнями“.

Южныя звѣзды! Черныя очи!
Неба чужого огни:
Васъ ли встрѣчаютъ взоры мои
На небѣ хладномъ блѣдной полночи?

(1828 г.).

Пушкинъ въ отвѣтъ Вяземскому („Ея глаза“) полупренебрежительно соглашается отчасти съ Вяземскимъ:

Она мила, скажу межъ нами, —
Придворныхъ витязей гроза,
И можно съ южными звѣздами
Сравнить, особенно стихами,
Ея черкесскіе глаза.

Все это полу-похвала. Пушкинъ признаетъ восторги своего пріятеля преувеличенными, хотя и простительными въ стихахъ. Великолѣпное сравненіе Вяземскаго онъ признаетъ только съ оговорками, ограниченіями и самъ тутъ же мимоходомъ употребляетъ одинъ мѣткій эпитетъ, который даетъ болѣе реальное представленіе о глазахъ этой красавицы, чѣмъ цѣлый рядъ сравненій Вяземскаго— „черкесскіе глаза“. Но такіе бойкіе, разбойническіе глаза не въ духѣ Пушкина. Вяземскій сравнилъ ихъ еще съ „огнями“. Пушкинъ идетъ дальше:

Она владѣетъ ими смѣло.
Они горятъ *огня живгій*.

И все-таки предпочитаетъ другую красоту:

Но самъ признайся, то ли дѣло
Глаза Олениной моей,
Какой задумчивый въ нихъ геній,
И сколько дѣтской простоты и т. д.

Въ одномъ своемъ стихотвореніи 1826 года Вяземскій призываетъ „жрецовъ поэзіи“ вдохновляться моремъ и прославляетъ „морскія волны“, противопологая ихъ землѣ:

Въ васъ нѣтъ слѣдовъ житейскихъ бурь,
Слѣдовъ безумства и гордыни,
И вашей дѣвственной святыни
Не опозорена лазурь.
Кровь братьевъ не дымится въ ней!
На почвѣ, смертнымъ непослушной,
Нѣтъ мрачныхъ знаменій страстей,
Свирѣпыхъ въ злобѣ малодушной.

Пушкинъ на это отвѣчалъ:

Такъ море, древній душегубецъ,
Воспламеняетъ геній твой?
Ты славилъ лирой золотой
Нептуна грознаго трезубецъ?
Не славь его. Въ нашъ гнусный вѣкъ
Съдой Нептунъ земли союзникъ.
На воѣхъ стихіяхъ человекъ
Тиранъ, предатель или узникъ.

„Правда ли“, спрашивалъ онъ при этомъ Вяземскаго, „что Николая Тургенева привезли на корабль въ ПБ.? Вотъ каково море наше хваленое!.. Каторга 120 друзей, братьевъ, товарищей ужасна“,

Возможно (но это, конечно, только гипотеза), что известное четверостишіе Пушкина „Къ портрету Вяземскаго“ стоитъ въ связи съ посланіемъ Вяземскаго „Сибирякову“, которое очень нравилось Пушкину. 3 сентября 1819 г. Тургеневъ пишетъ Вяземскому по поводу этого посланія: „вчера читалъ я кн. Голицыной стихи твои и былъ свидѣтелемъ Пушкина восхищенія и ея одобренія“. Любопытно замѣчаніе, какое дѣлаетъ Тургеневъ Вяземскому наканунѣ по поводу одного изъ стиховъ:

„Есть неточность въ выраженіяхъ, напримѣръ:

Природа не знатокъ въ наукѣ родословной—очень хорошо; но

Раздаетъ дары рукой скупой, но ровной!

— Несправедливо: и не ровной и не скупой; но пусть будетъ она, по твоему, скупа на дары; равенства въ раздачѣ нѣтъ; ты хотѣлъ сказать то же, но не такъ“. Затѣмъ Тургеневъ обрываетъ себя: „пора обѣдать къ конституціонной Голицыной. Допишу послѣ: 6 часовъ вечера“. Въ этотъ именно вечеръ Тургеневъ встрѣтилъ у Голицыной Пушкина, чи-

талъ ему и кн. Голицыной посланіе „Сибирякову“ и бесѣдовалъ съ Пушкинымъ по поводу этого посланія. Болѣе чѣмъ вѣроятно, почти неизбѣжно, что онъ сообщилъ Пушкину и свое возраженіе на стихъ, гдѣ говорилось, что природа „раздаетъ дары рукой скупой, но ровной“: вѣдь какъ разъ передъ тѣмъ какъ отправиться къ Голицыной, онъ выразилъ въ письмѣ эту мысль, вѣроятно, только что пришедшую ему въ голову. Какъ бы то ни было, но получается любопытное сопоставленіе. Въ посланіи „Сибирякову“ сказано:

Природа не знатокъ въ наукѣ родословной
И раздаетъ дары рукой скупой, но ровной.

Пушкинъ въ своемъ четверостишіи „Къ портрету Вяземскаго“ начинаетъ съ опроверженія этой мысли, признанной Тургеневымъ несправедливой, съ чѣмъ, вѣроятно, Пушкинъ и согласился. Мысль его четверостишія: князь Вяземскій является лучшимъ примѣромъ, что природа не скупа и не равна ко всѣмъ.

Судьба свои дары явить желала въ немъ.

Это въ окончательной редакціи. Если же заглянемъ въ черновики, увидимъ и текстуальную связь. Четверостишіе начиналось словами „природа“, т. е. сохранено и выраженіе Первоначально первая строчка у Пушкина была.

Природа всѣмъ его желала одарить.

Остальныя строчки являются развитіемъ этой мысли. Далѣе у Вяземскаго говорилось:

Жалѣю я, когда судьбы ошибкой злой
Простолюдинъ рождень съ возвышенной душой.

Пушкинъ ошибкой считаетъ не тѣ случаи, когда „простолюдинъ рождень съ возвышенной душой“, а, наоборотъ, когда знатный и богатый одаренъ возвышеннымъ умомъ.

... Въ счастливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ...

Вмѣсто „съ возвышеннымъ умомъ“ въ черновики у Пушкина первоначально было „съ душой возвышенной“; у Вяземскаго „съ возвышенной душой“.

Такимъ образомъ мы можемъ мысленно прослѣдить и самый путь переработки Пушкинымъ чужой мысли.

Въ заключеніе замѣтимъ, что изъ произведеній Вяземскаго наибольшее значеніе для творчества Пушкина имѣли стихотворенія Варшавскаго періода (1817—1821), того періода, когда на Вяземскаго, какъ на поэта, многими возлагались большія надежды. Нѣкоторые даже видѣли въ лицѣ Вяземскаго серьезнаго конкурента Пушкину въ области поэзіи. Николай Ивановичъ Тургеневъ предложилъ Вяземскому однажды (18 февр. 1820 г.) тему для либеральнаго стихотворенія, прибавивъ, что тема эта по плечу только двумъ поэтамъ: Вяземскому и Пушкину.

А другой Тургеневъ, Александръ, въ своемъ письмѣ Вяземскому 12 авг. 1821 г. предлагаетъ ему вдохновиться греческимъ возстаніемъ и тоже даетъ ему тему: отъѣздъ изъ Греціи русскаго посла гр. Строгонова... „Право, ты или Пушкинъ! Не позволяй перебивать у себя: впереди такого случая не будетъ“. Находились, наконецъ, литераторы, которые на Вяземскаго возлагали даже больше надеждъ, чѣмъ на Пушкина. Таковъ, напр., былъ И. И. Дмитріевъ. „Нетерпѣливо желаю узнать“, пишетъ онъ А. Тургеневу въ маѣ 1819 г.— послѣднее произведеніе оригинальнаго и истиннаго поэта Вяземскаго, котораго, конечно, не замѣнитъ и молодой Пушкинъ, хотя бы талантъ его и достигъ до полной зрѣлости“¹⁾.

Вполнѣ понятенъ интересъ, который проявлялъ въ это время Пушкинъ къ каждому вновь появляющемуся стихотворенію Вяземскаго. Однажды въ 1818 г. Вяземскій изъ Варшавы просилъ Тургенева отыскать его стихотворенія „Халать“ и „Вечеръ на Волгѣ“ и прислать ему. Тургеневъ отвѣчалъ на это: „Стихи твои отыщу, или Пушкинъ наизусть напишетъ ихъ“. Самъ авторъ забылъ свои стихи, и надежда возлагается на Пушкина: онъ то ужъ, навѣрное, помнитъ. Знаменательный фактъ!

Итакъ, намъ документально извѣстно, что къ Пушкину шель цѣлый потокъ впечатлѣній, поэтическихъ образовъ и мыслей отъ стихотвореній Вяземскаго. И эти впечатлѣнія не скользили по сознанію, многое въ стихахъ Вяземскаго Пушкину нравилось, т. е. слѣдовательно проникало въ душу

1) Остафьевскій Архивъ. I. 243.

и тамъ сберегалось. Если вслѣдъ за тѣмъ въ стихотвореніяхъ Пушкина появились образы и мысли, совпадающіе съ образами и мыслями, полученными отъ Вяземскаго, или даже только связанные съ ними по законамъ ассоціаціи, то въ этихъ случаяхъ приходится признать ту или другую зависимость, ту или другую долю вліянія одного поэта на другого. Объяснять совпаденія случайностями можно только тогда, когда совпаденій не такъ много, какъ въ данныхъ примѣрахъ. Отвергнуть вліяніе того или другого изъ указанныхъ нами стихотвореній Вяземскаго можно только доказавъ, что Пушкинъ совсѣмъ не зналъ этихъ произведеній, а это явно противорѣчило бы несомнѣннымъ біографическимъ даннымъ. Ссылки же на возможность вліянія и другихъ поэтовъ ничего не опровергають: изъ того, что вліялъ и какой-нибудь другой поэтъ, не слѣдуетъ, что Вяземскій не вліялъ.

Мы привели примѣры на различныя формы вліянія Вяземскаго на Пушкина. Въ концѣ концовъ его значеніе въ творчествѣ Пушкина заключается главнымъ образомъ въ томъ, что онъ не разъ былъ его возбудителемъ, давалъ толчокъ, точку отправленія или доставлялъ своими стихотвореніями великому поэту матерьялъ для поэтической переработки.

Укажемъ и на характеръ переработки. Перемѣны, исправленія и возраженія Пушкина шли, очевидно, въ слѣдующихъ направленіяхъ:

1) Въ сторону бѣльшаго оживленія. Напр., указаніе предмета или качества замѣняется указаніемъ соотвѣтствующаго дѣйствія, въ пейзажѣ вводится человекъ и т. д.

2) Въ сторону бѣльшей гуманности. Примѣры на каждомъ шагу.

3) Отъ отвлеченности, изысканности и ходульности — къ реализму, простотѣ и искренности. (См. напр., разницу въ описаніи зимы). О неизмѣримо бѣльшей художественности, поэтичности даже говорить не приходится.

Къ стихамъ Вяземскаго Пушкинъ, очевидно, не разъ могъ бы примѣнить свое замѣчаніе, сдѣланное Вяземскому по поводу одной его пышной фразы въ статьѣ объ Озеровѣ; замѣчаніе это глубоко знаменательно—„да говори просто: ты достаточно уменъ для этого“.